“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=372

2026-yil
6-son
iyun
ISSN 3093-8546

Международно-правовые гарантии защиты прав ребенка в цифровой среде

Роза Азходжаева,
Доктор юридических наук, и.о.доцент кафедры международного права и прав человека
Ташкентского государственного юридического университета
e-mail: azdroza7@gmail.com

Аннотация. Ushbu maqola raqamli muhitda bolalar huquqlarini himoya qilishning xalqaro huquqiy kafolatlarini o'rganishga bag‘ishlangan. Asosiy xalqaro hujjatlar, birinchi navbatda BMTning Bola huquqlari to‘g‘risidagi konvensiyasi va unga oid umumiy sharhlar, Yevropa Ittifoqining direktivalari hamda boshqa xalqaro tashkilotlar standartlari tahlil qilinadi. Raqamli muhitning bolalar huquqlari va manfaatlariga xos tahdidlari ko‘rib chiqiladi.

Калит сўзлар. bolalar huquqlari, raqamli muhit, BMT Bola huquqlari to'g'risidagi konventsiyasi, kiberjabr, bolalarning onlayn xavfsizligi, bolalarning shaxsiy ma’lumotlari, raqamli savodxonlik, onlayn ekspluatatsiya, xalqaro huquqiy standartlar.

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию международно-правовых гарантий защиты прав ребенка в цифровой среде. В работе анализируются ключевые международные инструменты, прежде всего Конвенция ООН о правах ребенка и принятые к ней комментарии, директивы Европейского союза. Рассматриваются специфические угрозы цифровой среды для прав и интересов детей.

Ключевые слова. права ребенка, цифровая среда, Конвенция ООН о правах ребенка, кибербуллинг, онлайн-безопасность детей, персональные данные детей, цифровая грамотность, онлайн-эксплуатация, международно-правовые стандарты.

Annotation. This article examines international legal guarantees for the protection of children's rights in the digital environment.This paper analyzes key international instruments, primarily the UN Convention on the Rights of the Child and the commentaries adopted thereto, as well as directives of the European Union.The specific threats posed by the digital environment to the rights and interests of children are considered.

Keywords. children's rights, digital environment, UN Convention on the Rights of the Child, cyberbullying, online safety of children, children's personal data, digital literacy, online exploitation, international legal standards.

Введение. Стремительное развитие информационных технологий и расширение доступа к сети Интернет коренным образом изменили среду, в которой растут и социализируются дети. Сегодня дети являются одной из наиболее активных групп пользователей цифрового пространства: они используют онлайн-ресурсы для обучения, общения, игры и творческого самовыражения. Вместе с тем цифровая среда несет в себе серьезные угрозы, с которыми дети сталкиваются в повседневной жизни: кибербуллинг, распространение сексуального контента с участием несовершеннолетних, несанкционированный сбор персональных данных, вовлечение в деструктивные сообщества и воздействие вредоносной информации.

Международное сообщество осознало необходимость специальной правовой защиты детей в цифровом пространстве. На сегодняшний день сформирован значительный массив международно-правовых документов, регулирующих данную сферу. Тем не менее эффективность реализации этих норм на национальном уровне по-прежнему вызывает озабоченность. Республика Узбекистан, ратифицировав Конвенцию ООН о правах ребенка [1] и приняв ряд национальных законодательных актов, продолжает формировать правовую базу в данной области, которая, однако, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Целью настоящего исследования является системный анализ международно-правовых гарантий защиты прав ребенка в цифровой среде, выявление их соотношения с национальным законодательством Узбекистана и выработка предложений по их практической реализации.

Конвенция ООН о правах ребенка как основа международно-правовой защиты. Главным международным инструментом защиты прав ребенка остается Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года (далее КПР), ратифицированная Узбекистаном в 1994 году. Принятая в доцифровую эпоху, Конвенция тем не менее содержит принципы, непосредственно применимые к защите детей в цифровом пространстве. Статья 17 КПР обязывает государства обеспечить детям доступ к информации и материалам из разнообразных источников и принять меры для защиты от информации и материалов, наносящих вред их благополучию. Статья 16 гарантирует право ребенка на защиту от произвольного вмешательства в его частную жизнь и переписку. Статья 34 обязывает государства защищать детей от всех форм сексуальной эксплуатации, в том числе в цифровой среде [1].

Комитет ООН по правам ребенка в Общем комментарии № 25 (2021) о правах детей в условиях цифровой среды дал развернутое толкование КПР применительно к цифровому контексту [2]. Данный документ стал важнейшим инструментом интерпретации международных стандартов: Комитет указал, что государства обязаны обеспечить реализацию всего комплекса прав ребенка в цифровой среде так же, как и в физическом мире. Комментарий особо подчеркивает, что принцип наилучших интересов ребенка должен применяться ко всем действиям в цифровой

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

среде, затрагивающим несовершеннолетних, включая деятельность технологических компаний, государственных органов и иных субъектов [2, С.8].

Принцип «наилучших интересов ребенка», закрепленный в статье 3 КПР, является одним из четырех руководящих принципов Конвенции и должен быть положен в основу любых решений, затрагивающих детей. В цифровом контексте это означает, что при разработке алгоритмов рекомендаций контента, политики обработки данных, правил размещения рекламы и иных технологических решений компании и государства обязаны ставить на первое место интересы ребенка, а не коммерческие или иные соображения [2, С.12]. Узбекистан, как государство-участник КПР, принял на себя обязательство имплементировать данный принцип в национальное законодательство в полном объеме.

Факультативные протоколы к КПР и специализированные международные договоры. Важную роль в международно-правовой защите детей в цифровой среде играют Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (2000), ратифицированный Узбекистаном в 2008 году [3], а также Лансаротская конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (2007) [4].

Факультативный протокол 2000 года обязывает государства криминализировать производство, распространение и хранение материалов сексуального насилия над детьми (CSAM) в том числе в цифровой форме, устанавливать экстерриториальную юрисдикцию в отношении данных преступлений и осуществлять международное сотрудничество в их расследовании [3]. Распространение CSAM через интернет и мессенджеры представляет одну из наиболее острых угроз цифровой безопасности детей. По данным Национального центра по делам пропавших и эксплуатируемых детей (NCMEC), ежегодно в глобальных сетях выявляются десятки миллионов подобных материалов, что требует скоординированных усилий государств [5, С.3].

Лансаротская конвенция Совета Европы, принятая в 2007 году, формирует комплексный правовой механизм противодействия сексуальной эксплуатации детей, включая деяния, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: груминг (совращение детей с использованием интернета), производство и распространение детской порнографии, склонение к проституции [4]. Хотя Узбекистан не является членом Совета Европы, положения Лансаротской конвенции представляют значительный интерес для совершенствования национального законодательства, поскольку отражают передовые международные стандарты в данной области.

Региональные и специализированные международные инструменты. Помимо универсальных инструментов ООН существенную роль в регулировании цифровой безопасности детей играют региональные и специализированные международные акты. Европейский союз разработал наиболее развитую систему правового регулирования в данной области. Общий регламент о защите персональных данных (GDPR)

2016 года устанавливает повышенные гарантии для персональных данных детей: для обработки данных лица моложе 16 лет (в ряде государств-членов 13 лет) требуется согласие родителей или законных представителей [6]. Регламент о цифровых услугах обязывает крупные платформы проводить оценку рисков причинения вреда детям и принимать меры по их снижению, а также запрещает целевую рекламу для несовершеннолетних на основе профилирования [7].

Директива ЕС об аудиовизуальных медиауслугах (2018) обязывает платформы для обмена видеозаписями принимать надлежащие меры для защиты несовершеннолетних от вредоносного контента, включая механизмы верификации возраста и системы родительского контроля [8, С.22]. Данный опыт регулирования представляет большой интерес для государств, разрабатывающих или совершенствующих собственное законодательство в сфере онлайн-защиты детей.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приняла Рекомендацию по защите детей в интернете (2012, обновлена в 2021 году), содержащую руководящие принципы для государств-членов [9, С.7]. Союз телекоммуникаций ООН (МСЭ) совместно с ЮНИСЕФ реализует инициативу Child Online Protection, направленную на содействие государствам в разработке национальных стратегий цифровой безопасности детей [10]. В рамках ШОС, членом которой является Узбекистан, также предпринимаются усилия по координации подходов в сфере информационной безопасности, хотя специализированные механизмы защиты детей в цифровой среде в рамках данной организации находятся в стадии формирования.

Классификация угроз для прав детей в цифровой среде. Для понимания задач международно-правового регулирования необходимо систематизировать основные угрозы для прав детей, возникающие в цифровом пространстве. В научной литературе принято выделять следующие категории угроз.

Угрозы, связанные с контентом, включают воздействие на детей материалов, содержащих пропаганду насилия, жестокости, суицидального поведения, экстремизма, а также коммерческой рекламы, манипулирующей детьми. Дети, не обладающие критическим мышлением, особенно уязвимы для такого рода воздействия. Статья 17 КПР прямо обязывает государства защищать детей от информации, наносящей вред их благополучию, что предполагает не только законодательные меры, но и содействие медиаграмотности детей [1].

Угрозы контактного характера, охватывают ситуации, когда взрослые используют цифровые технологии для нежелательного контакта с детьми: онлайн-груминг (установление манипулятивных отношений с целью последующей сексуальной эксплуатации), вербовку в деструктивные организации, кибербуллинг (систематическое травление через цифровые каналы). Кибербуллинг признан серьезной угрозой психическому здоровью детей: по данным ЮНИСЕФ, около трети молодых людей в 30 государствах сообщают, что они становились жертвами этого явления [10, С.14]. Международные акты призывают государства криминализировать наиболее опасные формы онлайн-преследования детей и разрабатывать комплексные антибуллинговые стратегии.

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

Угрозы, связанные с поведением самих детей, включают добровольное (зачастую без осознания последствий) распространение детьми интимных изображений (явление sexting), создание аккаунтов в социальных сетях без ведома родителей, раскрытие персональных данных. Данный класс угроз требует особого подхода: государства должны сочетать защитные меры с правовым и цифровым просвещением детей, не стигматизируя несовершеннолетних.

Угрозы для персональных данных, представляют собой несанкционированный сбор, обработку и коммерческое использование персональных данных детей технологическими компаниями. Дети особенно уязвимы: они нередко не понимают условий пользовательских соглашений и механизмов сбора данных. Международные стандарты, в особенности Общий комментарий Комитета ООН № 25, подчеркивают право ребенка на защиту персональных данных и требуют от государств введения специальных гарантий в области обработки данных несовершеннолетних [2, С.19].

Обязательства государств по международному праву. Международно-правовые документы формируют комплекс позитивных и негативных обязательств государств в сфере защиты прав детей в цифровой среде. Негативные обязательства предполагают воздержание от нарушений прав ребенка самими государственными органами, в частности запрет на необоснованную слежку за детьми. Позитивные обязательства значительно шире и включают несколько уровней.

На законодательном уровне государства обязаны принять нормативные акты, криминализирующие производство и распространение материалов сексуального насилия над детьми в цифровой форме, устанавливающие обязанности операторов цифровых платформ по защите несовершеннолетних пользователей, вводящие специальный режим защиты персональных данных детей и предусматривающие эффективные средства правовой защиты для жертв киберпреступлений [2, С.15].

На институциональном уровне государства должны создать или назначить компетентные органы, уполномоченные осуществлять надзор за соблюдением прав детей в цифровой среде, рассматривать жалобы и привлекать к ответственности нарушителей. Особую роль играет взаимодействие правоохранительных органов с международными партнерами в расследовании транснациональных преступлений против детей в интернете.

На просветительском уровне Общий комментарий № 25 обязывает государства обеспечить доступное для возраста ребенка образование в области цифровой грамотности и безопасности, информировать родителей и педагогов о рисках цифровой среды и механизмах защиты, а также финансировать научные исследования в данной области [2, С.22]. Комитет ООН по правам ребенка прямо указывает, что запретительные меры не могут быть единственным ответом: государства должны обеспечивать детям возможность безопасно пользоваться цифровыми возможностями, а не только ограждать их от угроз.

Обязательства корпораций в сфере прав ребенка в цифровой среде. Значительная часть цифровой среды контролируется частными

компаниями, и эффективная защита прав детей невозможна без их активного участия. Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека (2011) устанавливают ответственность корпораций за уважение прав человека, в том числе прав ребенка [11]. Применяя данные принципы к цифровой сфере, ЮНИСЕФ совместно с организацией Save the Children разработал Детские права и деловые принципы (Children's Rights and Business Principles, 2012), обязывающие компании проводить оценку воздействия своей деятельности на права детей и принимать меры по устранению выявленных рисков [12, С.6].

Регламент ЕС о цифровых услугах 2022 года стал одним из первых юридически обязывающих инструментов, возлагающих на крупные онлайн-платформы конкретные обязательства по защите несовершеннолетних: проведение обязательных оценок системных рисков для детей, введение запрета таргетированной рекламы для несовершеннолетних, обеспечение эффективных механизмов обжалования для пользователей и сотрудничество с регуляторами [7]. Данная модель регулирования вызвала широкий резонанс и рассматривается многими государствами как образец для национального законодательства.

Отдельного внимания заслуживает применение алгоритмов рекомендаций контента в социальных сетях. Расследования регуляторных органов и академические исследования свидетельствуют о том, что алгоритмы ряда платформ систематически предлагают несовершеннолетним пользователям контент, способный нанести вред их психическому здоровью: материалы, пропагандирующие расстройства пищевого поведения, суицидальное поведение, экстремизм [13, С.47]. Международные стандарты призывают государства потребовать от компаний обеспечить прозрачность алгоритмов и проводить независимые аудиты их воздействия на детей.

Предложения по совершенствованию законодательства. На основании проведенного анализа международно-правовых стандартов и национального законодательства Узбекистана сформулированы следующие предложения.

Во-первых, необходимо внести поправки в Уголовный кодекс Республики Узбекистан, предусматривающие самостоятельный состав преступления – онлайн-груминг несовершеннолетних (намеренное установление взрослым манипулятивных отношений с ребенком в цифровой среде с целью последующей сексуальной эксплуатации). Опыт государств, установивших такую норму, свидетельствует о ее значимом превентивном эффекте [4, С.18].

Во-вторых, целесообразно принять специальный нормативный акт об обязанностях операторов социальных сетей и цифровых платформ по защите несовершеннолетних пользователей, предусматривающий: механизмы верификации возраста; обязательное введение настроек повышенной конфиденциальности для аккаунтов несовершеннолетних по умолчанию; запрет таргетированной рекламы для детей; обязательное сотрудничество с правоохранительными органами при обнаружении материалов CSAM.

В-третьих, необходимо дополнить Закон о персональных данных специальными нормами о защите данных детей, устанавливающими требование о получении согласия родителей для обработки данных лиц моложе 14 лет и предоставляющими детям право на удаление ранее опубликованных данных (так называемое «право на забвение»). Данная мера соответствует стандартам GDPR и Общего комментария № 25 [2, С.20; 6].

В-четвертых, следует наделить Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) Республики Узбекистан или учрежденный специализированный орган специальными полномочиями по рассмотрению жалоб о нарушении прав детей в цифровой среде, мониторингу деятельности цифровых платформ и публикации тематических докладов. Это позволит снизить барьеры для обращения семей за защитой прав детей и обеспечит системный мониторинг.

В-пятых, государственным органам совместно с гражданским обществом необходимо разработать и реализовать комплексную национальную программу цифровой грамотности детей, включающую модули по кибербезопасности, защите персональных данных и безопасному поведению в интернете. Программа должна охватывать все ступени общего образования и быть адаптирована к возрастным особенностям детей, что соответствует требованиям Общего комментария № 25 [2, С.23].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Международное право сформировало развернутую систему гарантий защиты прав детей в цифровой среде, ядром которой является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года и Общий комментарий Комитета ООН по правам ребенка № 25 (2021). Данная система дополняется специализированными договорами, региональными инструментами ЕС и Совета Европы, а также рекомендательными актами ОЭСР, МСЭ и иных организаций. Ключевыми принципами международно-правового регулирования являются: наилучшие интересы ребенка, право на защиту от вреда при сохранении доступа к цифровым возможностям, участие детей в принятии решений, затрагивающих их права, а также ответственность корпораций наряду с обязательствами государств.

Республика Узбекистан как государство-участник КПР приняла на себя широкий круг обязательств в данной сфере. Действующее законодательство формирует определенную основу для защиты детей в цифровой среде, однако содержит существенные пробелы, устранение которых требует комплексных законодательных реформ. Приоритетными направлениями являются: введение специальной уголовной ответственности за онлайн-груминг; установление обязанностей цифровых платформ по защите несовершеннолетних; специальный режим защиты персональных данных детей; расширение институциональных механизмов защиты и развитие программ цифровой грамотности. Последовательная реализация данных мер позволит обеспечить соответствие национального законодательства Узбекистана актуальным международным стандартам и гарантировать детям безопасную цифровую среду для развития и самовыражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. United Nations. Convention on the Rights of the Child, 1989. New York: UN, 1989. [Организация Объединённых Наций. Конвенция о правах ребенка. Нью-Йорк: ООН, 1989.] https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child

2. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 25 (2021) on Children's Rights in Relation to the Digital Environment. Geneva: UN, 2021. [Комитет ООН по правам ребенка. Общий комментарий № 25 (2021) о правах детей в условиях цифровой среды. Женева: ООН, 2021.] CRC/C/GC/25.

3. United Nations. Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the Sale of Children, Child Prostitution and Child Pornography, 2000. New York: UN, 2000. [Организация Объединённых Наций. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Нью-Йорк: ООН, 2000.]

4. Council of Europe. Convention on Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (Lanzarote Convention), 2007. Strasbourg: Council of Europe, 2007. [Совет Европы. Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (Лансаротская конвенция). Страсбург: Совет Европы, 2007.] CETS No. 201.

5. National Center for Missing and Exploited Children. CyberTipline 2022 Report. Alexandria: NCMEC, 2023. [Национальный центр по делам пропавших и эксплуатируемых детей. Доклад CyberTipline за 2022 год. Александрия: NCMEC, 2023.]

6. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2016/679 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data (GDPR). Brussels: EU, 2016. [Европейский парламент и Совет. Регламент (ЕС) 2016/679 о защите физических лиц при обработке персональных данных (GDPR). Брюссель: ЕС, 2016.] OJ L 119.

7. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). Brussels: EU, 2022. [Европейский парламент и Совет. Регламент (ЕС) 2022/2065 о едином рынке цифровых услуг (Акт о цифровых услугах). Брюссель: ЕС, 2022.] OJ L 277.

8. European Parliament and Council. Directive 2018/1808 on Audiovisual Media Services. Brussels: EU, 2018. [Европейский парламент и Совет. Директива 2018/1808 об аудиовизуальных медиауслугах. Брюссель: ЕС, 2018.] OJ L 303.

9. OECD. Recommendation on the Protection of Children Online. Paris: OECD, 2012 (updated 2021). [ОЭСР. Рекомендация по защите детей в интернете. Париж: ОЭСР, 2012 (обновлена в 2021 г.).]

10. UNICEF. Children in a Digital World. New York: UNICEF, 2017. [ЮНИСЕФ. Дети в цифровом мире. Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2017.]

11. United Nations. Guiding Principles on Business and Human Rights. New York; Geneva: UN, 2011. [Организация Объединённых Наций. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Нью-Йорк; Женева: ООН, 2011.]

12. UNICEF; Save the Children. Children's Rights and Business Principles. New York: UNICEF, 2012. [ЮНИСЕФ; Спасите детей. Детские права и

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

деловые принципы. Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2012.]

13. Livingstone S., Mascheroni G., Staksrud E. European Research on Children's Internet Use: Assessing the Past and Anticipating the Future. New Media & Society. 2018. Vol. 20, No. 3. Pp. 1103-1122. [Ливингстон С., Маскерони Дж., Стакеруд Э. Европейские исследования использования детьми интернета: оценка прошлого и предвидение будущего. Новые медиа и общество. 2018. Т. 20, № 3. С. 1103-1122.]